

Автор - Ренарт Фасхутдинов, Санкт-Петербург (Россия).

Летняя баллада

И приходит к отцу Июнь, синеглазый мальчик,
Как положено, весь искрящийся и упертый,
Говорит, что на свете есть паруса и мачты,
Перекрестки, меридианы, аэропорты.

Можно топтать по теплым шпалам до горизонта,
Можно взять за рога потертый, но крепкий велик.
Это значит, что ни единого нет резона
Оставаться с тобой по эту сторону двери.

И плевать, что подстерегают в потемках ямы,
Что гремят арсеналом молний чужие выси...
Если что-то случится, то эта гибель – моя, мол.
Понимаешь, она от меня одного зависит!

А потом приходит Июль, двухметровый воин,

Через щеку шрам, в золотой бороде косички.
Говорит, что на свете есть подлецы и воры,
И удары исподтишка, и ночные стычки.

И поэтому ты, отец, на меня не сетуй,
Слишком горек теперь мне вкус молока и меда.
Прямо в эту секунду, пока мы ведем беседу,
По жилому кварталу кроют из миномета,

Бронированная машина въезжает в надолб,
Георгины распускаются на могилах...
А случится чего со мной, горевать не надо б,
Только этого я тебе запретить не в силах.

И последним приходит Август, сухой, прожженный,
Преждевременно поседевший, глотнувший лиха,
Говорит, что в саду за домом созрел крыжовник,
Теплой мякотью наливается облепиха.

Можно сесть на скамейку и ничего не делать,
Можно просто прикрыть глаза, улыбаться немо.
Только братьев уже десятую нет неделю,
А кому их спасти от гибели, как не мне, мол?

Не подумай, что я о ком-то из них скучаю.
Мы, конечно, родные, но дело не в этом вовсе...
Он хватает куртку, позвякивает ключами
И уходит, не оглянувшись, из дома в осень.

На исходе гранаты, винтовки давно молчат.
Впрочем, это еще не значит – пора сдаваться.
Команданте обводит взглядом своих волчат –
Так и хочется приглубить и поворчать,
Половине из них едва исполнилось двадцать.

Насторожены уши – какой прозвучит приказ?
Лихо щелкают башмаки на подошве хлипкой.
У Энрике от нервов подергивается глаз,
У Рамона братишка закончил четвертый класс,
У Фернандо всегда под боком футляр со скрипкой.

Взять бы эту планету и заново заселить
Вот такими юнцами с вечной занозой в сердце.
Это те, кто остался, отборная соль земли,
А еще кардамон, и гвоздика, и базилик,

И две-три щепотки едчайшего в мире перца.

По-хорошему, здесь полагается изложить
В четырех строфах биографию всех героев.
Мол, Энрике расстрелян, Фернандо остался жив –
Он штудирует Мао, не переносит лжи,
Пишет музыку, плохо выбрит и неустроен.

Рассказал бы охотно, да только не знаю сам,
Кто погибнет сейчас, кто станет отцом и мужем.
Я сжимаю винтовку, двадцатилетний пацан,
А за окнами жарит солнце, летит пыльца...
Команданте молчит. И город молчит снаружи.

Четвертое измерение

Назову героя, допустим, Жаком (а возможно, Дмитрием, но не суть).
Он идет с работы летящим шагом, по ночным кварталам срезая путь.
Остановка, мост, поворот направо, через парк и к дому – маршрут таков.
Но сегодня в парке торчит орава молодых жестоких сорвиголов.

Я-то знаю, что ожидает Жака: потасовка, кладбище, море слез...
Но терять такого героя жалко. Значит, надо вмешиваться всерьез.
У меня хватает на это власти, потому что авторам можно все.
Я беру не глядя мой верный ластик, провожу по карте – и Жак спасен.

Он меняет курс перед самым парком и шагает долгим кружным путем –
Подворотня, желтый фонарь и арка, драный кот, пустившийся наутек.
Чертыхаясь, Жак огибает ямы, бормоча: "Да что это я творю!",
И выходит, хоть и не очень прямо, к своему подсвеченному двору.

Отведя беду, оседаю в кресле (по идее, спать бы уже давно)
И опять задумываюсь – а есть ли вот такая сила и надо мной,
Чтобы крепкой дланью брала за ворот не забавы ради, а пользы для?
Я смотрю в окно на погасший город и затылком чувствую чей-то взгляд...

